

А. Елистратова

НЕПРИЯТНАЯ ПРАВДА ОБ ОДНОЙ «ПРИЯТНОЙ» ПРОГУЛКЕ

Кто не помнит и не любит мистера Пикквика? Образ этого доверчивого старого джентльмена, столько раз попадавшего в просак, но преодолевавшего все невзгоды благодаря своему добродушию и лучезарному оптимизму, принадлежит к лучшей национальной традиции английского юмора. Но Пикквик оказался неповторимым. Даже сам его создатель, Диккенс, пустивший странствовать по свету этого чудаковатого добряка, не мог уже найти для него места в своих зрелых романах, где миру предстала в ее действительных противоречиях сумрачная буржуазная Англия.

Что же сказать о литераторе наших дней, который вздумал бы сам воспользоваться маской добродушнейшего мистера Пикквика для того, чтобы, изображая из себя наивного, подслеповатого простачка, попытаться обелить одно из самых черных дел современной реакции — угнетение и эксплуатацию поработенных народов африканского континента? Подобная попытка была бы столь же отвратительно лицемерна, как и безнадежно несостоятельна. Однако именно такое предприятие затеял автор книги «Туррист в Африке»* английский писатель Эвелин Во.

Поначалу можно подумать, будто описываемая им поездка в Африку была не более, как невинной причудой стареющего состоятельного джентльмена. Он попросту устал и от зимней слякоти, и от суеты рождественских праздников. Почему бы не съездить в Африку — «в Африку без забот, снова по-

смотреть на экзотику», а кстати, и опубликовать свой дневник в надежде, как пишет сам автор, на то, что «те вещи, которые позабавили и заинтересовали меня во время моего маленького турне, могут позабавить и заинтересовать других».

Следуя этому плану, наш самозванный пикквикист на протяжении большей части записок упорствует в намерении развлекать читателей мелкими подробностями своего турне. Он делает вид, что понятия не имеет о грандиозной исторической драме, разгравшейся на просторах африканского континента, народы которого в героической борьбе взламывают систему колониального рабства. Этой подлинной Африке сегодняшнего дня Эвелин Во предпочитает выдуманную «Африку без забот» и угощает нас то описанием неизгладимого впечатления, произведенного якобы на жителей Момбасы «продолжительным счастливым визитом» английской королевы-матери, то еще более прочувствованными личными воспоминаниями о собственном визите в тамошний публичный дом, «где обслуживают все пороки». «Никогда не случалось мне бывать в таком веселом злачном месте», — восклицает разгулявшийся мистер Пикквик. Впрочем, он был принят и в более respectableм обществе. Он рассыпается в комплиментах перед английскими колониальными чиновниками и их супругами. Их гостиные так уютны! Их машины так комфортабельны! Ах, как милы и добры все эти господа Р., Томпсон, Ньюмен и прочие, так самоотверженно посвятившие себя заботам об удобствах и развлечениях заезжего гостя! Вот портрет одного из них, мистера Р.: «Неизменная чарующая улыбка»

* Evelyn Waugh. A Tourist in Africa. London, Chapman & Hall, 1960.

сняет на лице этого «крупного, красивого, бодрого мужчины среднего возраста». Мистер Р. ведает кадрами всего правительственного аппарата в Танганьике; сколько «такта, терпения и благоразумия» требуется ему в его работе! Мистер Р. только и делает, что улаживает «разногласия, неполадки и скандалы» да развезжает по стране, дабы «убедиться в том, что все достаточно счастливы и здоровы». В этих поездках ему сопутствует некий бригадный генерал в отставке, «занятый делами, характер которых мне так и не удалось в точности установить», — признается Во. Этот «кадровый офицер» также отличается «несокрушимой жизнерадостностью». Он и глазом не моргнул даже, когда потерял портфель, битком набитый секретнейшими документами! Чем не идиллия? Надо ли удивляться тому, что, по мнению Эвелина Во, коренное население британских колоний в Африке неуклонно процветает под наблюдением подобных бодрых весельчаков. Если жителям Западной Африки и случается плохо питаться (что вынужден допустить и автор), то в этом, оказывается, виновата не только их бедность, но и они сами. Ведь они упрямо не прислушиваются к советам добрых чиновников из санитарного управления и никак не желают выработать в себе «вкус к размеренной и разнообразной диете».

А что за райские условия труда установили, оказывается, на плантациях! «Хороший работник способен срезать за четыре часа положенную норму сизаля и, если пожелает, может прекратить работу в десять часов утра, заработав все, что ему необходимо на день. Если он выполнит еще вторую норму, он в состоянии позволить себе изрядную выпивку», — безапелляционно уверяет наш турист.

Если что и смущает новоявленного мистера Пикквика в той картине, которая открывается его глазам в Африке, то это — сущие пустяки. Дамам, приезжающим из Европы, конфузливо замечает он, не следовало бы шокировать туземцев чрезмерно открытыми сверхмодными туалетами. Что касается до британских колониальных чиновников, то и они, возможно, наносят некоторый урон собственному престижу, появляясь в присутственных местах в коротеньких штанишках «шортах». Правда, для большей внушительности они дополняют этот облегченный костюм моноклем; но монокль, по

мнению мистера Во, все же не вполне спасает положение.

Иной раз возникали и другие досадные неполадки. Нашему путешественнику так и не удалось попасть на традиционный народный праздник племени масаи в Кении; как ни докучал он своими расспросами всем встречным, неприветливые туземцы не открыли ему ни времени, ни места сбора. «Эккурсия к масаи оказалась не столь увеселительной, как я надеялся», — с грустью записывает в своем дневнике Во. Удивляет его и угрюмое молчание африканца шофера, который на протяжении всей этой поездки наотрез отказывается разделить трапезу со своим назойливым пассажиром. Во теряется в догадках: что могло бы быть причиной этой упорной отчужденности? Религиозные запреты? Дурной характер? Наконец он успокаивает себя, приходя к глубокомысленному выводу, что у его чернокожего спутника, «вероятно, просто не было аппетита».

Но все это мелочи. А в остальном автор, как кажется, преисполнен безмятежной уверенности в том, что «британская администрация безупречна, эффективна и благожелательна», и особенно подчеркивает заслуги «усердных и исполнительных офицеров из армии», которыми пополнились кадры колонизаторов Африки после второй мировой войны.

Обстоятельства, однако, волей-неволей вынуждают Эвелина Во то и дело забывать о принятой им на себя роли простака, якобы и не подозревающего о революционной буре народного освободительного движения, сотрясающей африканский континент. «Беспорядки» в соседнем Ньясаленде омрачили ему «мирные, досужие дни и вечера в кругу друзей», которые он проводил в Танганьике. Тут уж было не до туризма, и мистер Во предпочел уехать туда, где было поспокойнее.

С досадой пишет он о «неблагодарности» африканцев. Уж на что «безупречна, эффективна и доброжелательна» британская администрация в Занзибаре! А ведь «без сомнения, скоро мы будем читать в газетах о «занзибарском национализме» и тирании колониалистов».

Его тревожит судьба плантаторов, переселившихся в британские колонии в первые годы после второй мировой войны. Подумать только, они были озабочены тем, как обезопасить свои капиталы от возмож-

ных посягательств со стороны лейбористского правительства, и поспешили ликвидировать свои поместья в Англии, надеясь получить в Африке полную свободу рук. Но Африка, оказывается, встретила их новыми «разочарованиями»! С сочувствием пишет Во и об испытаниях, выпавших на долю германских юнкеров, когда-то считавших себя хозяевами Танганьики, потесненных затем англичанами, а теперь «покорно ожидающих, что управление будет передано в руки туземцев». Проникновенно повествует он о визите к одному из этих последний германского империализма, фабриканту паркетных плиток, который принимает автора в доме, увешанном дворянскими гербами и «с гордостью» рассказывает о брате — прусском офицере, убитом в боях за Севастополь в конце второй мировой войны, и о родовых латифундиях в Пруссии и Саксонии — увы, теперь уже конфискованных...

Однако Во старается отогнать от себя эти тревожные наблюдения и аналогии. Он утешает читателей сентиментальными картинками, призванными показать, что колониализм еще продолжает играть роль доброго опекуна черной Африки. Супруга окружного начальника в Танганьике собирает у себя на веранде туземных девушек, которых учит кройке и шитью. В Сериме (Родезия) африканские юноши под руководством католических монахов трудятся, украшая росписью и резьбой новую церковь...

Но все же наступает момент окончательного подведения итогов. Этот момент знаменательным образом совпадает с рассказом о посещении могилы Сесила Родса. Здесь, у надгробия «основателя великой империи» (как именует Родса империалистическая легенда); естественно сопоставить прошлое с настоящим и установить «баланс» «достижений» британского колониализма в Африке.

Для Эвелина Во итог неутешителен. С горечью цитирует он строки стихотворения, написанного на смерть Родса Кипплингом. Поэт британского империализма предсказал, что дух Родса будет вечно царить над покоренной Африкой. «Это было написано всего лишь пятьдесят семь лет назад, и все предсказания уже опровергнуты», — признается Во. Он вспоминает о временах Лобенгулы — царя племени матабеле и машона, у которого британские агенты приобрели по дешевке — за ежемесячную ренту в 100 фун-

тов, тысячу ружей и речной пароход — право распоряжаться огромной территорией нынешней Южной Родезии. Теперь такие средства уже недействительны: «От Алжира до Кейптауна весь африканский континент охвачен политическим движением, которое бессмысленно было бы игнорировать...» «Британская империя рухнет...»

Формулируя этот вывод, Эвелин Во сопровождает свое вынужденное признание брюзгливыми сетованиями на чрезмерный «либерализм» Великобритании, подорвавший якобы основы ее колониального владычества. Он осмеливается даже рассуждать о «высоком рыцарстве» британских колонизаторов, проявленном якобы в Африке. Ведь здесь коренных жителей истребляли силой оружия, а не ядом, как в Австралии, где изголодавшимся туземцам попросту подкладывали отравленную пищу! Он пытается подвести и «философскую» базу под свою концепцию будущего Африки. Процветание и порядок, вещает он, могут быть достигнуты только в таком обществе, которое основано на строгой социальной иерархии. «Идея бесклассового общества столь противоестественна для человека, что его разум практически не может вынести такой нагрузки!» Да, перед нами уже явно не добряк Пикквик, а его антипод, тот самый британский литератор, который в свое время пропагандировал среди соотечественников кровавый «опыт» Муссолини и не мог простить им того, что они сражались против гитлеризма в союзе с народами СССР.*

Я пишу эти строки в те дни, когда весь мир потрясен злодейским убийством Патриса Лумумбы и его соратников. Эта подлая и трусливая расправа над героическими борцами за свободу Африки — свидетельство отчаянной паники, усиливающейся в лагере колониалистов по мере того, как народы африканского континента завоевывают свою независимость. Отражением этой паники является и путевой дневник Во, с его смесью притворной наивности и горькой правды.

С одной стороны, автор делает вид, будто ему невдомек, почему «совесть англичан» так «озабочена Африкой». Эта озабоченность кажется ему даже «нестественной».

* Мы уже имели случай охарактеризовать реакционные взгляды Э. Во и циничный, антигуманистический дух его «юмор». См. журнал «Иностранная литература» № 5, 1958 г.

Что касается самого Во, то, когда по возвращении домой его спросят: «Как там с апартеидом?.. Как с арестами политических деятелей?» — он сможет дать только один ответ: «Не знаю». С его точки зрения, правильнее было бы вообще воздержаться от этих слишком неприятных, бестактных вопросов. Куда легче было бы отвечать себе-седникам, беззаботно осведомляющимся: «Ну как, хорошо провели время?»

А рядом следует признание: «Я отправился за границу, как я уже отметил, с намерением уйти от «проблем» и искать только развлечений и живописности. Увы, это не-

возможно. «Проблемы» вторгаются в нашу жизнь», — признается автор. И хотя в заключительных абзацах книги Эвелин Во заявляет, что «не даст газетам портить» свой отдых, и призывает своих читателей, не задумываясь над тем, что творится в тюрьмах Кении, спокойно наслаждаться вместе с ним благами жизни, мы должны разочаровать его. История вряд ли позволит ему и его единомышленникам это сделать. Колониалистам не уйти от «проблем», порожденных их собственной политикой; им не уйти от гнева народов, пробуждающихся к свободе и независимости.

